

УДК 130.2
ББК 87.52в04

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ И ПРОБЛЕМА ИСТИННОСТИ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ

Ягудина Дина Сергеевна

Аспирант кафедры философии,
Волгоградский государственный университет
dina-ya-ku@yandex.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье речь идет о критериях определения истинности интерпретации текста. Приведен ряд универсальных критериев определения валидной интерпретации. Рассмотрены критерии истинности интерпретаций, характерные для специальных герменевтических технологий: соответствие интерпретации авторскому замыслу; легитимизация интерпретации авторитетным лицом. Показано, что расхождение в представлениях об истинном смысле текста порождает методологический конфликт интерпретаций внутри герменевтической традиции.

Ключевые слова: герменевтика, конфликт интерпретаций, правильная интерпретация, смысл текста, истинность, валидность интерпретации.

Главной социальной предпосылкой возникающего в культуре конфликта интерпретаций являются устойчивые представления о наличии так называемой «правильной интерпретации», или некоего аутентичного, истинного смысла текста. Желание читателя и интерпретатора правильно понять текст является очень устойчивым в европейской культуре в связи с тем, что это «книжная культура», то есть культура, в основе которой лежит культ священных книг. В этой связи накоплено множество истинности интерпретации текста.

Первая группа критериев истинности интерпретации является универсальной, и может быть положена в основу верификации интерпретации в научной герменевтике.

Универсальные критерии истинной интерпретации. Ряд таких критериев выделяет Г.Г. Гадамер. Так, основным критерием он считает *способность к суждению*. Однако в такой формулировке критерий, скорее, говорит о качестве интерпретатора. По отношению к интерпретации же его следует понимать как логичность и внутреннюю непроти-

воречивость интерпретации. Смысл текста, отыскать который стремится герменевтика, в конечном итоге представляет собой текст, который может быть разделен на совокупность суждений, связанных между собой. С точки зрения данного критерия необходимо, чтобы эти суждения были построены в соответствии с законами формальной логики и не содержали внутренних противоречий. Суждение как логическая единица представляет собой непротиворечивую связь субъекта и предиката. Помимо имманентной проверки на внутреннюю непротиворечивость и логичность, проверка на критерий следования логике предполагает рассмотрение логических связей интерпретации с контекстом, а именно с доказательной базой, элементами текста и реальности, на которые она опирается. Нельзя признать интерпретацию верной, если существуют факты текста или реальности, которые опровергают ее даже в мельчайших деталях. Выделенный Г.Г. Гадамером критерий логичности интерпретации является главным и в иудейской традиции толкования. «Доказа-

тельство, которое казалось очевидным, может быть отвергнуто из-за того, что найден элемент, показывающий даже в незначительной степени неубедительность логической конструкции» [7, с. 3].

Проверка логикой – первичная и базовая проверка, которую, как правило, проходят несколько интерпретаций. Однако во многих случаях ее бывает не достаточно для того, чтобы принять интерпретацию в качестве истинной.

Другим, более сложным критерием, является так называемый *здоровый смысл*. Г.Г. Гадамер производит проблематизацию этого понятия и обзор различных возможных пониманий данного критерия. Исходя из проделанной им работы, можно сделать вывод, что критерий здравого смысла включает в себя два аспекта. Во-первых, это соответствие мировоззренческих пресуппозиций интерпретатора (легших в основу интерпретации) неким объективным (то есть разделяемым научным сообществом) представлениям о реальности и устройстве мира. Это могут быть как отрефлектированные установки, так и априорные формы сознания – «не рефлексивная категория, а идея, тема, схема сознания и поведения, элемент коллективного бессознательного» [3, с. 281]. Так, примером интерпретации, соответствующей здравому смыслу, будет интерпретация путевых заметок исходя из идеи того, что Земля является круглой. Итак, существует набор такого рода мировоззренческих установок, или пресуппозиций, которые закреплены в культуре и свойственны большинству людей и представляют собой так называемую объективную реальность. Если интерпретация исходит из иных, противоположных им, она будет признана неправдоподобной. Тем не менее в современном мире существует проблема объективности и поиска таких всеобщих установок, которые были бы однозначно признаны как имеющие отношение к здравому смыслу. Из-за большого количества субкультур и деления общества на микрогруппы количество общепризнанных объективных мировоззренческих установок у людей становится все меньше. В связи с этим то, что для одной социальной группы является здоровым смыслом, другой может быть воспринято как ложное и даже

бредоподобное. Поэтому особое значение в герменевтике приобретает вопрос о целеполагании интерпретатора и его целевой аудитории. Это важно, поскольку от цели интерпретатора и той публики, для которой предназначена его интерпретация, зависит выбор тех базовых установок, исходя из которых проводится интерпретация. Здесь становится очевидной связь интерпретации с риторикой, поскольку если толкователь хочет, чтобы его интерпретация была признана соответствующей здравому смыслу и принята в качестве истинной, ему необходимо ориентироваться на так называемый топос, а именно на те установки, которые разделяет его целевая аудитория.

С критерием здравого смысла в аспекте объективизации тесно связан критерий *рационализации*.

Просвещенческий идеал правильного понимания – понимание без предрассудков. Однако это невозможно, ибо сама идея отказа от любых предрассудков является предрассудком. Таким образом, мы упираемся в логический круг, ибо нам в итоге все равно приходится выбирать тот или иной предрассудок, который является истинным, для того чтобы, основываясь на нем, получить истинную интерпретацию.

Просвещение выступало за поиск и присоединение к истинным предрассудкам. Но каким же образом определить эти истинные предрассудки? Просвещение предлагает на этот счет идею рационализма, верификации при помощи разума. Смысл здесь в том, чтобы подвергать сомнению любой имеющийся предрассудок с целью его рациональной проверки. Г.Г. Гадамер активно критикует просвещенческую идею отказа от всех предрассудков, аргументируя это конечностью нашего сознания и невозможностью его выйти за пределы всех предрассудков. Он предлагает скорректировать этот критерий истинности в пользу рационального осмысления предрассудков. «Ибо в конечном счете истинные предрассудки тоже должны быть оправданы разумным познанием, даже если эта задача никогда не может быть полностью выполнена» [1, с. 167]. Таким образом, рационализация как критерий истинной интерпретации сводится к критичности, или скеп-

тицизму при выборе установок, на которых она строится.

Следующим критерием правильной интерпретации является *ясность*. Еще И.М. Хладениус в своей работе «Введение к правильному истолкованию разумных речей и произведений» предлагает в качестве основной задачи герменевтики достижение совершенного понимания текста, под чем подразумевает прояснение абсолютно всех темных мест в нем. Таким образом, интерпретация будет правильной, если она разъясняет непонятные места в тексте. Для соответствия этому критерию интерпретация, с одной стороны, сама должна быть ясной и не иметь в себе темных мест, а с другой стороны, должна быть достаточно полной для того, чтобы проливать свет на весь текст целиком – то есть интерпретация не должна исключать из сферы своего внимания какие-либо части текста.

Еще один критерий – *предметность* – представляет собой проверку на соответствие тексту и особенно актуален в случаях, когда интерпретация достраивает смыслы, подтверждения которым отсутствуют в тексте или контексте. Этот критерий отличается от проверки на логичность. В некоторых случаях в тексте и контексте могут отсутствовать факты, противоречащие интерпретации, и поэтому проверка на критерий логичности будет пройдена. Тем не менее ряд выводов интерпретации может быть сделан из додуманных, отсутствующих в тексте фактов, которые были привнесены интерпретатором и легли в основу интерпретации, хотя связь их с фактами текста неочевидна и слаба. В случае, когда нарушается соответствие этому критерию, интерпретации получают чересчур свободными, не имеющими текстуального основания, и, соответственно, порождают между собой неразрешимые конфликты. Примером могут служить символические толкования, когда для интерпретации какого-либо символа в тексте используется нетипичное понимание этого символа.

Опора на выявленные универсальные критерии позволяет нам получить валидные интерпретации текста. Существует также ряд специфических критериев, получивших развитие в различных традициях, однако не являющихся универсальными.

Правильная интерпретация – та, которая обнаруживает смысл текста, заложенный туда автором, – эта идея о возможности восстановления авторского замысла принадлежит романтической эпохе. Призыв Ф. Шлейермахера понять автора лучше, чем он понимал себя сам, имеет непосредственную связь с этим критерием и выражает романтическую идею гениальности автора. Поскольку далеко не все авторы склонны к рефлексии и значительная часть смысла произведения попадает в текст от автора не в ходе осознанной планомерной работы, а через инсайт и озарение, то долг интерпретатора восстановить этот смысл, вложенный автором и ускользнувший от него самого. О таком историческом понимании истинного смысла говорит К. Спиноза в «Богословско-политическом трактате». Подобных взглядов придерживался В. Дильтей. Такое понимание смысла текста характерно для классической филологии, которое с течением времени было разрушено герменевтикой: «текст не может впоследствии значить что-то такое, чего он не значил изначально» [4, с. 72].

Для достижения истинного смысла в этом понимании необходимо полностью исключить всякую предвзятость, ибо истолкование исходя из наших собственных установок лишь исказит смысл. Необходимо целиком восстановить исторический контекст и интерпретировать текст только исходя из тех установок, из которых его создавал сам автор. Подобным образом конфликт интерпретаций у М. Хайдеггера сводится к конфликту предрассудков о тексте и истинного смысла текста. Условием правильного понимания текста является изначальная настроенность сознания интерпретатора на инаковость текста, то есть на конфликт между собственными представлениями о тексте и его истинным фактическим значением. Интерпретатор может понять текст, только если способен увидеть обе стороны конфликта и встать на сторону текста. Необходимое соответствие интерпретации тексту можно рассматривать как соответствие предрассудков, исходя из которых создавались интерпретация и собственно текст.

Тем не менее существует ряд аргументов против такого понимания истинной ин-

терпретации, что делает его частным и специальным.

Например, существует следующая проблема, отмеченная И.Г. Дройзеном: как можно оперировать понятием «авторский замысел (смысл)» в случае, когда текстом являются исторические события, у которых нет замысла и автора? Эта проблема, в частности, актуальна для современного сознания. В эпоху постмодернизма, после провозглашенной символической смерти автора, когда в качестве набора символических знаков (то есть текста) может быть воспринят любой участок реальности, в том числе невербальный, данный критерий теряет смысл. Если весь мир – это текст, у которого нет автора, то данный критерий приводит нас к выводу, что смысла у текста нет, а следовательно, интерпретировать его бесполезно.

Существует ряд оснований, по которым данный критерий истинности не является универсальным. Во-первых, далеко не всегда авторский замысел воплощается в изначальном виде, не видоизменяясь по ходу. То есть постижение замысла (например, через творческо-генетический метод) не есть то же самое, что постижение текста. Во-вторых, даже если мы ставим своей целью постижение автора для того, чтобы выяснить, исходя из какой картины мира (контекста) и предрассудков автор строил свое произведение, мы сталкиваемся с привычной для гуманитарных наук проблемой недостатка информации и, следовательно, невозможности восстановить авторские установки с достаточной точностью. М. Хайдеггер, предостерегавший интерпретатора от трактовки текста исходя из неверных предрассудков, сам попадает в эту ловушку при интерпретации картины В. Ван Гога «Башмаки». В эссе «Исток художественного творения» его интерпретация картины о тяжелой крестьянской доле по факту проверки биографическим методом оказывается не верна по критерию соответствия авторскому замыслу [5]. Исходя из этого можно сделать вывод, что рекомендованная М. Хайдеггером открытость читателя и желание впустить в себя текст является недостаточной для того, чтобы интерпретировать исходя из установок автора, поскольку эти установки могут быть сугубо личными и не выраженными напрямую

в тексте. В-третьих, как справедливо замечает И.М. Хладениус [1, с. 119], понять автора не есть то же самое, что понять речь или текст. Если у текста имеется авторская интерпретация, то только один факт создания ее самим автором не дает ей преимуществ перед остальными интерпретациями в случае конфликта, поскольку в момент создания интерпретации собственного текста у автора происходит отчуждение от текста и он, таким образом, приравнивается к собственному читателю, утрачивая привилегированное положение автора. Если следовать этой логике, то интерпретация М. Хайдеггера картины с башмаками ничуть не хуже и не менее значима, чем интерпретация самого В. Ван Гога как автора картины. Это также подтверждается тем, что автор произведения с течением времени может сам создать ряд различных интерпретаций своего текста, даже противоречащих друг другу, поскольку человеческая личность предстает в развитии, а не является чем-то статичным. С этой точки зрения личностные характеристики, влияющие на замысел, не тождественны личностным характеристикам того же самого человека, интерпретирующего этот текст в будущем. И, наконец, идея о том, что истинная интерпретация должна соответствовать авторскому замыслу, противоречит продуктивной герменевтической идее о том, что смысл текста углубляется и расширяется с течением истории. Полагаясь на этот критерий, мы были бы вынуждены отказаться от идеи актуализации смыслов классических произведений, от возможности понимать часть произведений как пророческие в соотношении с историческими событиями, которые произошли после написания текстов. Кроме того, если отказаться от возможности понимать текст шире авторского замысла, то неизбежно появятся серьезные трудности при работе с текстами, с момента написания которых прошло значительное количество времени. Например, при применении старых законов, которые были написаны до появления ряда объектов действительности, но по-прежнему являющихся действительными. Подобный случай описывает Ф. Либер: слово «магистраль» использовалось в древних законах задолго до изобретения железных дорог. Однако эти же законы применяются к желез-

ным дорогам, поскольку после их появления слово «магистраль» расширило свое значение [8, с. 23].

Тем не менее все вышеперечисленные аргументы, проблематизирующие данный критерий, не отменяют его вовсе. Данный критерий активно используется в различных интерпретациях, в том числе для разрешения конфликта интерпретаций. Такая точка зрения на истинный смысл предполагает обращение к биографическому методу, активно используемому в филологической герменевтике, и опирается на идею, что понимание жизни автора и его контекста могут разрешить конфликтную ситуацию через отбрасывание интерпретаций, в основе которых лежат лингвистические значения слов и идеи, которые были чужды автору текста.

Еще один критерий – это *критерий авторитетности или легитимности*. Правильная интерпретация – это легитимная интерпретация, то есть та, что признана властным влиятельным субъектом. Такого рода понимание правильной интерпретации является необходимостью, например, в юридической сфере и связано с особыми целями написания и толкования законодательных текстов. Совершение правосудия невозможно без установления правильной интерпретации закона. Дебаты и разногласия в суде зачастую строятся вокруг конфликта интерпретаций текста того или иного закона, и суду приходится выступать в качестве субъекта определения правильной интерпретации. Поскольку ситуация в юридической практике такова, что множественность правильных интерпретаций не предполагается, а расхождения в толковании ведут к нарушению принципа справедливости, то очевидной является необходимость механизма, позволяющего условно безошибочно устанавливать правильную интерпретацию с помощью авторитета.

Однако в таком понимании правильной интерпретации и механизме ее установления есть серьезные риски. Проблемой при таком понимании правильной интерпретации является чрезмерная ориентация на авторитет и, как следствие, возможность злоупотребления властью.

Проблема авторитетности ярко проявляет себя в традиции интерпретации русской клас-

сической литературы. Активно развивавшаяся в XIX в. литературная критика в лице известных большинству современных россиян В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова и других заложила огромное количество ставших «правильными» в школьном смысле слова интерпретаций произведений литературной классики. Зачастую в школах дети изучают не столько само произведение, сколько эти интерпретации. Что удивительно, многие из них не только не являются единственно правильными, но и не выдерживают тщательной проверки. Примером может служить история понимания стихотворения А.С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье», привычная интерпретация которого в качестве любовного признания А.П. Керн не выдерживает проверки биографическим методом [2]. Таким образом, ориентация на авторитет является проблемой, поскольку из-за чрезмерного доверия толкователю его интерпретация принимается за истину иногда без должной проверки универсальными критериями.

Отсюда напрямую вытекает возможность злоупотребления властью, и она связана с ограничением свободы интерпретации. В истории существовали попытки запретить комментарии к тексту законов, как это было, например, в Баварии [8, с. 30]. Критерий авторитетности может полностью заменить другие очевидные критерии истинности интерпретации, такие как логичность, здравый смысл, соответствие тексту, вплоть до искажения фактов текста в пользу авторитета. Дабы избежать риска злоупотребления властью и монополии на интерпретацию, в современных демократических государствах существует механизм разделения власти. Так, в Российской Федерации в случаях возникновения конфликтов интерпретаций законов существует практика издания разъяснений, которой занимается судебная власть. Защитным механизмом от монополизации смыслов служат СМИ, недаром называемые «четвертой властью». Свобода интерпретации в публичном пространстве обеспечивает возможность панорамного взгляда на тексты и события, возникновения и разрешения на вербальном уровне конфликтов интерпретаций.

С точки зрения такого понимания истинной интерпретации конфликт интерпретаций

является нежелательным, так как воспринимается авторитетным субъектом как посягательство на его действительную власть и, следовательно, может перейти в конфликт силовой. Тем не менее критерий авторитетности является крайне важным в том случае, когда другие критерии не позволяют сделать выбор в ситуации конфликта интерпретаций, и при этом существует жесткая необходимость выяснения истины. Примером, как уже было упомянуто выше, может служить разбирательство в суде. Такого рода решения налагают большую ответственность на авторитетного субъекта и требуют от социума и государства бдительности и жестких механизмов контроля за принимаемыми решениями. Например, таким механизмом в России и других странах служит система обжалования судебных решений.

Итак, различные представления о критериях истинности интерпретации являются социокультурными предпосылками возникновения феномена конфликта интерпретаций. По сути, описанные выше два подхода уже являются нам конфликт интерпретаций, возникший на методологическом и мировоззренческом уровне. Этот конфликт является философским, поскольку разрешить его не представляется возможным иным способом, кроме как через выход на уровень философской рефлексии и признания всех представлений об истине валидными и ценными для культуры в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гадамер, Г. Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
2. Калашников, С. Б. «Цель поэзии – поэзия»: об одном метасюжете пушкинской лирики / С. Б. Калашников // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8, Литературоведение. Журналистика. – 2010. – № 9. – С. 11–21.
3. Касавин, И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И. Т. Касавин. – М. : Канон+, 2008. – 544 с.

4. Компаньон, А. Демон теории / А. Компаньон. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2001. – 336 с.
5. Талейсник, С. Все «ботинки» Ван Гога / С. Талейсник. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://7iskusstv.com/2012/Nomer11/Talejsnik1.php>. – Загл. с экрана.
6. Хайдеггер, М. Исток художественного творчества / М. Хайдеггер. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.heidegger.ru/documents/tom5/istok.doc>. – Загл. с экрана.
7. Штейнвальц, А. Введение в Талмуд / А. Штейнвальц. – М. : Курчат. ин-т, 1993. – 371 с.
8. Lieber, F. *Legal and political hermeneutics* / F. Lieber. – St. Louis : F. N. Tomas and Company, 1880. – 352 p.

REFERENCES

1. Gadamer G.G. *Istina i metod: osnovy filosofskoy germenевtiki* [Truth and Method: the Basics of Philosophical Hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1998. 704 p.
2. Kalashnikov S.B. “Tsel poezii – poeziya”: ob odnom metasyuzhete pushkinskoy liriki [“The Purpose of Poetry Is Poetry”: One Meta-Plot of Pushkin’s Poetry]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8, Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Science Journal of Volgograd State University. Literary Criticism. Journalism], 2010, no. 9, pp. 11-21.
3. Kasavin I.T. *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsialnyu epistemologiyu yazyka* [Text. Discourse. Context. Introduction to Social Epistemology of Language]. Moscow, Kanon+ Publ., 2008. 544 p.
4. Kompanyon A. *Demon teorii* [Demon of Theory]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovyx, 2001. 336 p.
5. Taleysnik S. *Vse “botinki” Van Goga* [All the “Shoes” of Van Gogh]. Available at: <http://7iskusstv.com/2012/Nomer11/Talejsnik1.php>.
6. Heidegger M. *Istok khudozhestvennogo tvoreniya* [The Source of Artistic Creation]. Available at: <http://www.heidegger.ru/documents/tom5/istok.doc>.
7. Steinsaltz A. *Vvedenie v Talmud* [Introduction to the Talmud]. Moscow, Kurchatov in-t Publ., 1993. 371 p.
8. Lieber F. *Legal and Political Hermeneutics*. St. Louis, F.N. Tomas and Company, 1880. 352 p.

CONFLICT OF INTERPRETATIONS AND THE PROBLEM OF TRUTH IN HERMENEUTICS

Yagudina Dina Sergeevna

Postgraduate Student, Department of Philosophy,
Volgograd State University
dina-ya-ku@yandex.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In this article we are talking about the criteria for determining the validity of the interpretation of the text. Some universal recognized criteria for determining the true interpretation are listed. Such criteria as logic, common sense, rationalization, objectivity are problematized and analyzed. These criteria are generally recognized by most philosophers of hermeneutics. Moreover, there are some specific criteria discussed, which are typical for special hermeneutical methodologies. One of them is the idea of the true interpretation under the author's intention. This criterion is the traditional philological analysis of the text. One problem with such an understanding of the correct interpretation is that sometimes even with the help of the biographical method it is impossible to decipher what the author wanted to say. The second problem is connected with a broader understanding of the text as in some texts there was no author, for example, in social texts. The other problem is connected with the necessity of legitimizing the interpretation by authoritative person. Such an understanding of the correct interpretation is characterized, above all, in jurisprudence. From this perspective, interpretation is directly linked to social power. The both specific criteria are appropriate in some social and cultural spheres; however, the article also examines their problems. Such divergence in views about the true meaning of texts creates the methodological conflict of interpretations within the hermeneutic tradition.

Key words: hermeneutics, conflict of interpretations, correct interpretation, text meaning, truth, validity of interpretation.